

Л. С. Пустильник

Статьи А. Н. Плещеева о Шекспире

Новые атрибуции

Шекспир. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. 1748-1962

М., "Книга", 1964
OCR Бычков М.Н.

В стихотворении А. Н. Плещеева "Дездемоне" нашла выражение его горячая любовь к Шекспиру {См. N 1370 в наст. изд.}. Сейчас стали известны и некоторые критические работы выдающегося русского поэта, в которых содержатся пространные высказывания о Шекспире. После возвращения из ссылки, где, осужденный по делу петрашевцев, он провел долгие годы, Плещеев широко сотрудничает в петербургской печати, в частности, пишет в отделе театра и музыки "Биржевых ведомостей". Критическая деятельность Плещеева, высоко оцененная Добролюбовым, Чернышевским, Некрасовым, была проникнута демократическими идеями и неизменно обнаруживала тяготение поэта к реализму в искусстве. Плещеев не был специалистом в области иностранной литературы и мысли о творчестве Шекспира, высказываемые им во многих театральные рецензии, интересны, главным образом, как свидетельство его многообразных литературных интересов и верного эстетического чувства.

Нам удалось атрибутировать, в числе других, несколько статей Плещеева, опубликованных в 70--80 годах в петербургской печати и посвященных гастролерами Э. Росси и Т. Сальвини, выступавших в шекспировском репертуаре. Относящиеся к выступлениям Росси рецензии были помещены в "Биржевых ведомостях" 16, 24, 27 февраля и 10 марта 1877 г.,-- анонимно, либо за подписью "А. П." {См. нашу статью в журнале "Филологические науки", 1962, No 3, стр. 182--183.}. В рецензиях этих подробно разбирается исполнение итальянским трагиком ролей Гамлета, Отелло и Лира. Плещеев очень высоко оценивает игру Росси в Гамлете, подчеркивая ее тонкость, продуманность, вдумчивое, говорящее о большой культуре, отношение артиста к образу. Гораздо меньше удовлетворил критика "Отелло"; хотя он находит в игре Росси "бездну выработки" и "обдуманности", исполнителю нехватает здесь, по мнению Плещеева, простоты, увлечения, страсти. Все эти качества присущи, говорит он, игре другого знаменитого, гастролера -- Айры Олдриджа, который приезжал в Россию на 10--15 лет раньше. Любопытно наблюдение Плещеева, что трудно питать сострадание к Отелло в интерпретации Росси, потому что в нем слишком рано обнаруживается "зверь" {Биржевые ведомости, 1877, 10 марта, отд. Театр и музыка}. С большой похвалой отзывается Плещеев об исполнении Росси роли Лира; "Короля Лира" он считает, кстати, наиболее доступной по своему философскому смыслу трагедией Шекспира, произведением, которое может быть понятно и прочувствовано самой широкой народной аудиторией.

Не лишены интереса суждения Плещеева по поводу "Макбета". "Несомненно, подчеркивает Плещеев, что "Макбет" одно из величайших созданий Шекспира".

Тем не менее эта трагедия пользуется меньшей популярностью и любовью театральной публики, нежели другие произведения драматурга. Возможно, это происходит оттого, что весь "ход драмы построен на развитии одного характера, главного лица, прослеженного не в одном каком-нибудь периоде, а на пространстве всей его жизни". А между тем, подчеркивает Плещеев, и здесь Шекспир -- великий мастер психологического анализа, глубоко заглянувший в "тайны души человеческой", в ее "извилины", показавший с "гениальным мастерством, как преступная мысль проникает в благородную душу, овладевает ею и, увлекая человека в бездну нравственного падения, делает из него злодея".

Плещеев сопоставляет Макбета с Яго, Эдмондом, Глостером, показывая, что он не злодей по натуре, что это человек "действия", привыкший к быстрым и энергичным решениям. Более того, огромным достоинством трагедии является, по мнению Плещеева, то, что мы видим Макбета сначала "героем, увенчанным славой, честно служащим родине".

Будь это "закоренелый злодей", не испытывающий после совершенного преступления и даже до этого, нравственных мук, мы присутствовали бы при "зрелище его злодеяний с большим состраданием к его жертвам, но без всякого участия к нему самому, и последняя катастрофа -- насильственная смерть злодея одна могла бы удовлетворить наше нравственное и эстетическое чувство. Но этого нет, и последняя сцена последнего акта не имеет для нас капитального значения в смысле удовлетворения.